

ВИЗАНТИЙСКИЕ ВОЕННЫЕ ТРАКТАТЫ КАК ПАМЯТНИКИ КУЛЬТУРЫ

Византийские военные трактаты представляют собой особую, весьма специфическую категорию исторических памятников, отражающих уровень военной организации империи в определенный исторический период. Оценка военных трактатов как памятников культуры представляется допустимой и возможной, исходя из следующих общих положений.

Рассматриваемая в самом широком общесоциологическом плане культура, подразделяясь на материальную и духовную¹, включает несколько основных компонентов, воспринятых данным обществом от предыдущих поколений, санкционированных обществом в качестве представляющих социальную ценность, переработанных этим обществом (приумноженных, трансформированных, частично отвергнутых и т. д.) и переданных им другим современным общностям или последующим поколениям. К числу таких основных комплексов относятся: во-первых, продукты материальной деятельности людей (орудия труда, одежда, жилища, средства сообщения и т. д.); во-вторых, результаты духовного творчества (наука, искусство, право, философия, религия и др.); в-третьих, системы ценностей, которые выступают в качестве регулятора стремлений и действий человека, служат основой определения социальной значимости членов общества и вследствие этого определяют принципы социальной иерархии; в-четвертых, образцы индивидуального поведения отдельных личностей и модели функционирования определенных человеческих коллективов. Все указанные проявления культуры можно обнаружить в такой специфической сфере социального бытия, какой является война.

Война есть одно из самых изначальных проявлений социальной деятельности². Будучи социальной, военная деятельность всегда является коллективной — в ее орбиту втягиваются одновременно более или менее значительные (как по численности, так и по общественной значимости) людские контингенты. Занятия военной деятельностью потребовали активной, целенаправленной работы человеческих коллективов прежде всего в направлении создания и постоянного совершенствования материальных форм ведения военных действий, таких, как личное оружие, индивидуальные средства защиты, военные машины, оборонительные сооружения и т. д. Накопленный в результате занятия военной деятельностью коллективный опыт явился объектом осмысления, систематизации, обобщения. Следствием теоретического обобщения боевой практики было зарождение военной науки как особой области знаний, возникновение раз-

личных военно-научных теорий, концепций, доктрин. Система ценностей, преломляясь в сфере военной деятельности, объективировалась, в частности, в шкале воинских званий, чинов и рангов, ставших мерилom социальной значимости человека в рамках военной организации. Наконец, именно в ходе занятия военной деятельностью были наиболее четко и определенно сформулированы принципы индивидуального и группового поведения людей, вовлеченных в эту деятельность. Эти принципы были максимально формализованы; им был придан характер общеобязательных предписаний — возникли воинские уставы, ограничившие поведение военнослужащего строго очерченными рамками допустимого и возможного.

В условиях первых классовых общественно-экономических формаций (рабовладение, феодализм) мирная и военная деятельность конкретного общества и государства не уступали по значимости друг другу. Вероятно, было бы даже более правильно говорить о существовании не двух отдельных сфер социальной деятельности (мирной и военной), а о едином комплексе, в котором временами происходит лишь перемещение центра тяжести. Поэтому культура данной социальной общности, понимаемая как совокупность результатов материальной и духовной деятельности людей, в меньшей степени обслуживала военные нужды, чем мирные потребности. Более того, самые передовые, самые современные научные идеи, достижения в сфере материального производства, механики, строительной техники в первую очередь находили применение в военном деле.

Еще основоположниками научного коммунизма было неопровержимо доказано, что наиболее развитой отраслью производства в античной экономике было именно военное производство, — оно поднималось выше среднего уровня тогдашней техники, имело более развитые трудовые отношения, спорадически применяло элементы наемного труда³. «Здесь же впервые, — писал К. Маркс, — применяются машины в крупном масштабе. И даже особая ценность металлов и употребление их в качестве денег основывается, по-видимому, первоначально... на их военном значении. В армиях же было впервые осуществлено и разделение труда внутри одной отрасли производства. Кроме того, в истории армии с поразительной ясностью резюмируется вся история гражданского общества»⁴.

В эпохи античности и средневековья связь между состоянием военного дела и общим уровнем цивилизации (по линии зависимости первого от второго) была особенно непосредственной и наглядной. Поэтому не случайно греческие, римские, византийские авторы усматривали прямую логическую зависимость военной тактики того или иного варварского народа от степени его цивилизованности (в последнее понятие, помимо культуры, обычно включались еще и показатели политического развития)⁵. В более поздние периоды человеческой истории такая

связь становится все более опосредованной — она корректируется воздействием все большего количества промежуточных факторов.

Военные трактаты позволяют проследить исторические ступени в развитии военной организации Византийской империи как отражение эволюции ее материальной и духовной культуры. Будучи соотнесенным с тем или иным периодом византийской истории, военный трактат может предоставить исследователю богатый и разнообразный материал для целостной, всесторонней характеристики этого периода. Разумеется, военного писателя интересовали в первую очередь проблемы его жанра. Поэтому трактат позволяет судить о состоянии военного дела, что уже само по себе, как отмечалось ранее, немаловажно для представления об уровне социального, политического и экономического развития. Но чаще всего тематика трактатов не исчерпывается лишь этой, сугубо специальной проблематикой, поскольку военно-научные проблемы могли быть поставлены и успешно решены лишь при условии привлечения материала из многих других областей знаний. В связи с этим информация трактатов, выходящая за рамки чисто военной тематики, может представлять интерес для исследователей различной специализации. Разумеется, такая «непрофильная» информация оказывается весьма неравноценной по объему, глубине разработки, авторской самостоятельности, исторической ценности и многим другим показателям. Она должна изучаться в постоянной связи с однотипными или аналогичными свидетельствами других источников по методу их сопоставления или противопоставления; анализ ее вне этой связи может привести к искажению действительной картины, смещению смысловых и хронологических акцентов.

Можно напомнить, например, что «Византийский Аноним VI в.»⁶ содержит совершенно уникальные, чрезвычайно оригинальные сведения о социальной структуре общества юстиниановской эпохи. Он дает подробный перечень категорий городского населения: от законоведов и священнослужителей до рабочих людей и представителей так называемого «театрального сословия» (возничие на ипподроме, танцовщицы, мимы и др.)⁷. Можно указать также на огромную ценность информации, содержащейся в этнографических разделах «Стратегикона Маврикия»⁸ (кн. 11) или «Тактики Льва»⁹ (гл. 18). Многие свидетельства этих авторов, несомненно, являются аутентичными и потому активно привлекаются для изучения истории некоторых балканских народов¹⁰. Уникальный материал для характеристики экономического состояния империи в IX—X вв. можно обнаружить в гл. 9, 17 «Тактики Льва»¹¹. Примеры подобного рода могут быть многократно продолжены.

Военные писатели являются представителями своей эпохи, культуры своего народа, личностями, сформировавшимися под

влиянием соответствующих социально-культурных факторов. Известно, что культура личности определяется рамками культуры данной социальной общности. Но внутри этих рамок человек может проявить свою индивидуальность, продемонстрировать известные отклонения от заданного канона. Бросается в глаза, что в традиции военной литературы амплитуда этих вероятных отклонений не оставалась неизменной, в более ранние периоды она была гораздо большей. Античные военные писатели были полностью свободны прежде всего в выборе сюжетов для исследования. Так, Ксенофонт был автором двух специальных трактатов, посвященных коннице («О верховой езде» и «О начальнике кавалерии») ¹²; другие военные проблемы в данном случае автора не интересовали и потому были оставлены им без внимания. Витрувий, сознавая свою наибольшую компетентность в области полиоркеттики, затронул только эти проблемы в своем обобщающем трактате «Об архитектуре» ¹³. Онандр проявил особый интерес к проблеме моральных и деловых качеств военачальника — именно этим проблемам посвящен его трактат, хотя попутно рассматриваются и другие, более специальные проблемы военного дела ¹⁴. Фронтин ¹⁵ и Полиен ¹⁶ специализировались на составлении так называемых «Стратегем» — сборников военно-исторических иллюстраций к деятельности великих полководцев древности. Некто Гигин, национальная принадлежность и время жизни которого остаются невыясненными, посвятил свой труд исключительно теории лагерного устройства ¹⁷.

Таким образом, античная эпоха в военной литературе представлена широким тематическим разнообразием изучаемых сюжетов, значительным набором форм, приемов, методов военно-научных исследований, яркими творческими индивидуальностями их авторов.

С течением времени в военно-теоретических исследованиях усиливается организующий, императивный элемент — прежде всего в плане тематической определенности. Рубежом здесь является творчество Вегеция. Его «Краткое изложение военного дела» ¹⁸ символизирует не только окончательное слияние греческой и римской линий в развитии военной науки, в предыдущую эпоху проявлявшихся по большей части изолированно. Трактат Вегеция — первый образец универсального военного руководства с энциклопедическим охватом проблем военной науки. Вся последующая византийская военная наука представлена памятниками именно такого характера.

Тенденция к универсализации тематики военно-теоретических руководств сочетается с усиливающимися тенденциями к канонизации античного наследия, с нарастающим влиянием традиционализма. Основой военно-теоретических построений все более становится не современный боевой опыт, а достижения военной мысли «древних». Обезличенность, деперсонифициро-

ванность, свойственная вообще писательской манере византийцев, находила все более яркое воплощение в военных сочинениях — в данном случае это было рассчитано на то, чтобы придать содержащимся здесь рекомендациям всеобъемлющий, универсальный, а потому и сугубо обязывающий, императивный характер. Ссылка на авторитет «древних» — самый весомый аргумент в процессе логических доказательств; собственный боевой опыт безоговорочно приносится в жертву, если он противоречит высказываниям «древних». От VI к X в. в военной литературе нарастает тенденция к самым простейшим методам заимствования (адаптация, парафраза, компиляция, извлечение и т. д.)¹⁹

Вместе с тем следует отметить, что, несмотря на эти нивелирующие тенденции, вопреки им авторы военных сочинений все же сохраняют свое лицо, свою творческую и человеческую индивидуальность. Они отличаются друг от друга уровнем теоретической и профессиональной подготовки, демонстрируют различный подход к проблемам военной науки, композиционную и стилистическую неординарность. В результате многие военно-теоретические сочинения, со всеми свойственными им чертами самобытности и оригинальности, являются подлинными шедеврами византийской образованности, эрудиции, культуры.

Как уже отмечалось, любой военный трактат может быть соотнесен с конкретной исторической эпохой. Однако в большинстве случаев трактат оказывается несинхронным эпохе своего создания: как правило, теоретическое осмысление и обобщение боевой практики производится гораздо позднее момента ее реального проявления. Можно привести множество примеров и из античной, и из византийской истории, когда под действием ряда факторов трактат по своему содержанию оказывался синхронным иной (чаще более ранней) исторической эпохе, чем та, в которой он создавался. Этот эффект асинхронности (в сторону запаздывания), вполне естественный для процесса познания, в области военной науки усугубляется рядом обстоятельств, вытекающих из особенностей этой науки. Ее отличительная черта состоит в том, что традиция играет в ней большую роль, чем в других науках; тесная преемственность в накоплении и передаче знаний является ее квалифицирующим признаком. В военной науке домашнего периода чрезвычайно редки резкие, революционные скачки; в периоды античности и средневековья их вообще не было. Лишь изобретение и внедрение огнестрельного оружия впервые прервало длительную и бескризисную эволюцию военной науки с самого момента ее зарождения.

Поэтому греко-римско-византийская военно-теоретическая литература представляет собой единый комплекс, единую связную цепь, в которой каждое из предыдущих звеньев питает каждое из последующих. Идеи авторов, стоявших у истоков

этой науки (Ксенофонт, Эней, Витрувий, Элиан, Онасандр), будучи трансформированными через несколько последующих адаптаций, можно встретить в произведениях, завершающих ее многовековую эволюцию («Тактика Льва», «Тактика Никифора Урана»).

В связи с этим весьма трудно синхронизировать военный трактат и ту эпоху, которая в нем отражена, — они могут оказаться отделенными друг от друга значительными промежутками времени (иногда в пределах нескольких столетий). Так, трактат Элиана²⁰, созданный в начале II в. н. э., по основным своим идеям синхронен периоду Александра Македонского и диадохов²¹. «Византийский Аноним VI в.» отразил более архаичный период развития античной военной науки, чем трактат Вегеция, хотя последний написан на полтора столетия раньше, чем сочинение Анонима.

Дело осложняется еще и тем, что различные составные части и элементы военной науки, а также ее отрасли обладали неодинаковой степенью консерватизма. Наиболее консервативными выглядят проблемы полиоркеттики и лагерного устройства; более динамична тактика, непосредственно связанная с таким самым подвижным, переменчивым, подверженным максимальному воздействию извне комплексом, каким является материально-техническая база военной организации (прежде всего вооружение). Поэтому в одном и том же военном руководстве можно обнаружить напластования различных «сроков давности». Пример для византийских военных писателей был подан Вегецием: в его трактате встречаем одновременное оперирование военными реалиями, одни из которых древнее других на шесть — семь столетий. Преемники Вегеция по жанру — авторы трактатов VI—X вв. — словно состязаются друг с другом в стремлении использовать в своих сочинениях как можно больший объем военно-научной информации в максимально широких хронологических пределах.

С учетом указанных обстоятельств однозначная «привязка» трактата к той или иной ступени общественного (а следовательно, и культурного) развития империи оказывается весьма затруднительной. Иногда в трактатах имеются свидетельства о точном времени их написания; чаще всего это относится к произведениям античной эпохи. Так, трактат Витрувия может быть датирован с точностью до трех лет (13—11 гг. до н. э.)²², трактат Элиана — с такой же точностью (царствование Нервы, 96—98 гг. н. э.)²³. Сочинение Арриана имеет совершенно определенную датировку — 137 г., поскольку в нем указано, что оно завершено на двадцатом году царствования Адриана²⁴. Впрочем, случаи точных датировок военных трактатов сравнительно редки; чаще время написания трактата определяется более широкими хронологическими рамками — особенно это характерно для византийских памятников. Так, «Византийский Ано-

ним VI в.» возник во времена Юстиниана, наиболее вероятно, во второй половине его царствования²⁵, «Стратегикон Маврикия» — на рубеже VI—VII вв.²⁶, «Тактика Льва» — в период царствования Льва VI²⁷. Но подобные датировки, как совершенно точные, так и приблизительные (в пределах нескольких десятилетий), мало что дают для синхронизации трактата. Что означает трехлетний временной предел для датировки трактата Элиана, если в нем идет речь о классической греко-македонской фаланге, т. е. о военно-организационной форме 400-летней давности? Что значат колебания в 10—20 лет в датировке «Византийского Анонима VI в.», если в нем встречаются рекомендации, известные еще Энею²⁸, писавшему за 900 лет до Анонима? И целесообразно ли ломать копья по поводу точной (вплоть до одного года!) датировки «Тактики Льва» (а такие попытки предпринимались неоднократно), если совокупность содержащихся в ней идей синхронна целой эпохе в развитии византийской военной организации — эпохе фемного строя, насчитывавшей как минимум трехвековую историю?

Этими примерами мы хотели бы подчеркнуть, что интенсивному использованию свидетельств военного трактата для аргументации тех или иных исторических положений должна предшествовать тщательная, кропотливая работа по выяснению источников этого трактата, определению содержащихся в нем исторических напластований, выявлению их хронологического соответствия событиям прошлого, иногда весьма отдаленного. Только при этом предварительном условии свидетельства военного трактата способны «сработать» в качестве источников первоклассной исторической ценности.

Важно при этом подчеркнуть, что чаще всего материал для синхронизации военного трактата с определенной исторической эпохой можно обнаружить именно в той «непрофильной» информации, которая по замыслу автора имеет второстепенный характер, является лишь дополнением к главному объекту его исследования. Такого рода информация обычно дается мимоходом, без акцентировки внимания на ней: для автора это повседневная, рутинная, сама собой разумеющаяся действительность, хорошо известная современникам. Именно в силу своей обыденности, непредвзятости, сиюминутности такая «непрофильная» информация проявляется достаточно контрастно на фоне основного материала, стерилизованного в духе традиционализма: она сохраняет хронологическую определенность, сочетающуюся, как правило, с высокой степенью достоверности. Выявление в военном сочинении таких хронологически определенных элементов и комплексов создает условия для постепенной синхронизации других, все более и более опосредованных пластов информации, уже относящихся к разряду «профильной», при непременно условии постоянного соотношения ее со всей военно-исторической традицией и с памятниками других жанров.

Из сказанного можно заключить, что любой военный трактат — это концентрация историко-научных, а в более широком смысле и культурно-исторических ценностей не только (и не столько) периода своего создания, сколько всей предшествующей исторической эпохи, результат деятельности творческого гения предшествующих поколений.

Явившись результатом предшествующего развития, военные трактаты (по крайней мере, лучшие образцы этого жанра) стали продуктами культурно-исторической эволюции, вошли в сокровищницу византийской и мировой культуры. Уже тот факт, что они были бережно сохранены десятками сменивших друг друга поколений и донесены до наших дней, свидетельствует о том, что эти поколения рассматривали их именно в качестве культурных сокровищ. Многие содержащиеся в военных трактатах идеи приобрели характер непреходящих, вневременных, внациональных, общечеловеческих ценностей. Сентенции Онасандра относительно моральных и профессиональных качеств военачальника, сформулированные еще в I в. н. э., пронизывали всю античную, византийскую, западноевропейскую военную традицию; заинтересованное, не лишенное прагматической подоплеки внимание к Онасандру проявлялось со стороны теоретиков и практиков военного дела вплоть до нового времени²⁹. В XV в., когда в Западной Европе стали закладываться научные принципы тактики пехотных подразделений, в качестве ее основы были взяты концепции Элиана. «Общие правила ведения войны», сформулированные Вегецием, составляли основу доктрины византийских и западноевропейских военных теоретиков на протяжении более чем тысячелетия. «Тактика Льва» была в 1700 г. специально переведена для Петра I — есть предположение, что он знакомился с ней в процессе работы над уставами формируемой в то время русской регулярной армии. Аналогичный перевод «Тактики» был сделан позднее для прусского короля Фридриха II³⁰.

Можно привести пример более конкретного, уже материального свойства. Как известно, в полиоркетическом разделе трактата Витрувия был обобщен и теоретически осмыслен торсионный принцип действия метательных орудий, основанный на использовании освобождаемой энергии предварительно скрученного материала. Византийское и западноевропейское средневековье было шагом назад по сравнению с эпохой Витрувия в деле развития метательной артиллерии. Но идеи Витрувия продолжали существовать в духовной культуре человечества, и в XVIII в. появились идеи возрождения торсионной артиллерии (взамен огнестрельных орудий). Даже во время первой мировой войны германские артиллеристы предприняли серьезные попытки использовать для военных целей реконструированные немецким инженером Е. Шраммом античные метательные орудия времен Витрувия³¹.

В заключение следует отметить, что высказанные нами положения имеют в основном предварительный, постановочный характер. Мы ставили своей задачей лишь наметить возможные направления будущих, более детальных исследований памятников византийской военной литературы как продуктов и объектов культурно-исторического развития.

Военная наука является, пожалуй, единственной отраслью знания, которая включает в свои важнейшие научные категории понятие «искусство» (военное искусство, оперативное искусство и др.). Залог военной победы — это не только достижение перевеса над противником в живой силе и технике; это вместе с тем и умение превзойти врага в интеллектуальном, общекультурном плане. Поэтому признание современников и потомков завоевали лишь те военно-теоретические руководства, которые по своим объективным характеристикам были в достаточной степени способны адекватно отразить принципы военной науки — той «науки побеждать», которая одновременно является и искусством.

Уже только одно это, чисто формальное соображение представляется достаточным для отнесения военных трактатов к разряду памятников культуры. Анализ же их содержания способствует окончательному рассеиванию всяких сомнений на этот счет. Остается только добавить, что в отношении многих памятников византийской военной литературы такая работа фактически еще не начата, и здесь перед исследователями простирается поистине безграничное поле для творческих поисков и находок.

¹ Это деление является весьма условным и имеет смысл лишь в определенных границах — в аспекте основного вопроса философии. В реальной действительности существует неразрывное единство материальной и духовной культуры, при этом решающая роль в развитии культуры принадлежит именно ее материальным основаниям.

² «Война есть один из самых первобытных видов труда каждой из... естественно сложившихся общин как для удержания собственности, так и для приобретения ее» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. 1. С. 480).

³ Об этом см.: Мишулин А. В. К изучению истории войны и военного производства в древности // ВДИ. 1940. № 1. С. 219—230.

⁴ Маркс К. Письмо к Ф. Энгельсу от 25 сентября 1857 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 29. С. 154.

⁵ Об этом см.: Zásterová V. Les Avars et les Slaves dans la Tactique de Maurice. Pr., 1971.

⁶ См.: Des Byzantiner Anonymus Kriegswissenschaft // Griechische Kriegsschriftsteller. Griechisch und Deutsch mit kritischen und erklärenden Anmerkungen von H. Köchly und W. Rüstow. 2. Theil: Die Taktiker. 2. Abteilung. Leipzig, 1855. P. 44—196.

⁷ Ibid. P. 42—54.

⁸ См.: Das Strategicon des Maurikios / Ed. G. T. Dennis — E. Gamillscheg. Wien, 1981.

⁹ См.: Leonis Imperatoris Tactica / Ed. J.-P. Migne // PG. 1863. 107. Col. 671—1093.

¹⁰ На материалах «Стратегикона» построено обобщающее исследование

Б. Застеровой (см. примеч. 5). В интересном ракурсе эти же материалы были изучены З. В. Удальцовой (см.: **Удальцова З. В.** Идейно-политическая борьба в ранней Византии (по данным историков IV—VII вв.). М., 1974. Гл. 8. С. 301—308). Этнографические пассажи «Тактики Льва» интенсивно изучались венгерскими учеными, в частности, Д. Моравчиком (см.: **Moravcsik Gy.** La Tactique de Léon le Sage comme source historique hongroise // *Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1952. I. P. 161—184.

¹¹ См.: **Кучма В. В.** Военно-экономические проблемы византийской истории на рубеже IX—X вв. по «Тактике Льва» // АДСВ. Свердловск, 1973. Вып. 9.

¹² См.: Xenophon. Reitkunst. Griechisch und Deutsch von K. Widdra. В., 1965.

¹³ См.: **Марк Витрувий Поллион.** Об архитектуре / Пер. с лат. Г. П. Полякова, Н. Ф. Дератини, А. В. Мишулина; Ред. и введ. А. В. Мишулина // ГАИМК. Л., 1936. Кн. 10, гл. 10—16.

¹⁴ См.: Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander // The Illinois Grec Club. L.; N. Y., 1923. P. 341—532. Об исследовании трактата Онасандра преимущественно с филологической точки зрения см.: **Peters W.** Untersuchungen zu Onasander. Bonn, 1972. Подробный анализ военно-научных воззрений Онасандра дан в работе: **Кучма В. В.** «Стратегикос» Онасандра и «Стратегикон Маврикия»: Опыт сравнительной характеристики // ВВ. 1982. Вып. 43; 1984. Вып. 45; 1986. Вып. 46.

¹⁵ См.: Frontin. Kriegslisten. Lateinisch und Deutsch von G. Bendz. В., 1963.

¹⁶ См.: Polyaei Strategematon libri octo / Ed. E. Wölfflin — J. Melber. Lipsiae, 1887.

¹⁷ См.: Hygini Grammatici liber de munitionibus castrorum / Ed. A. V. Domaszewski. Leipzig, 1887. Основное исследование: **Grosse R.** Das römisch—byzantinische Marschlager vom 4—10. Jahrhundert // BZ. 22. 1913. S. 90—121.

¹⁸ См.: **Флавий Вегеций Ренат.** Краткое изложение военного дела // ВДИ. 1940. № 1. С. 231—293.

¹⁹ См.: **Dain A.** Les stratégistes byzantins // Travaux et mémoires, II. P., 1967. P. 353.

²⁰ См.: Aeliani Tactica // Griechische Kriegsschriftsteller. Griechisch und Deutsch mit kritischen und erklärenden Anmerkungen von H. Köchly und W. Rüstow. Leipzig, 1855. Vol. II. P. 199—554.

²¹ RE. I. 1894. Col. 483.

²² См.: **Jähns M.** Geschichte der Kriegswissenschaften. Erste Abteilung München; Leipzig, 1889. S. 82.

²³ См.: **Dain A.** Histoire du texte d'Elie de Tacticien. P., 1946. P. 18.

²⁴ См.: Arrianus Nicomediensis Scripta minora / Rec. R. Hercher. Lipsiae, 1854. P. 139.

²⁵ Об этом см.: **Кучма В. В.** Византийские военные трактаты VI—X вв. как исторический источник // ВВ. 1979. Вып. 40. С. 50.

²⁶ См.: Там же. С. 52.

²⁷ См.: Там же. С. 53—54.

²⁸ См.: Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander // The Illinois Grec Club. L.; N. Y., 1923. P. 1—225.

²⁹ Авторы англо-американского издания трактата Онасандра опираются на авторитет Морица Саксонского, известного полководца XVI в., заявившего, что принципы и правила, сформулированные Онасандром, способны сформировать великого военачальника (см.: Aeneas Tacticus, Asclepiodotus, Onasander . . . P. 351).

³⁰ См.: **Jähns M.** Op. cit. S. 170.

³¹ Точность наводки торсионного античного стреломета была такова, что отдельный человек мог быть поражен на расстоянии до 100 шагов, более объемные цели поражались за 200 шагов. Модель стреломета, реконструированная Е. Шраммом, во время испытаний дала дальность полета малой стрелы против ветра на 305 м. Эта стрела пробивала деревянный щит толщиной 3 см, обитый железом, причем стрелы проникали в щит на половину своей

длины (см. об этом: Эллинистическая техника: Сб. статей / Под ред. И. И. Толстого. М.; Л., 1948. С. 281—282, 292; Дильс Г. Античная техника / Пер. и примеч. М. Е. Сергеевко, П. П. Забаринского; Под ред., предисл. С. И. Ковалева. М.: Л., 1934. С. 95). Для сравнения укажем, что современный пистолет предназначен для поражения живой силы на расстоянии, не превышающем 50—70 м.

А. И. РОМАНЧУК, О. Р. БЕЛОВА
Уральский университет

К ПРОБЛЕМЕ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ХЕРСОНЕСА

В урбанистических штудиях последних лет одно из центральных мест занимают вопросы городской топографии¹ и в значительной мере связанные с нею проблемы городской культуры², поскольку в «феномене «культура» органически сочетаются, сливаются воедино материальная и духовная сферы создателей, творческая деятельность людей, направляемые разумом, трудом и талантом человека»³. В данном плане городская культура — это результат деятельности горожан, выраженный в особенностях планировки, размерах и видах общественных и частных построек. В конечном итоге, говоря о городе как кумуляции достижений человечества, мы должны учитывать и особенности его архитектурно-топографического облика. Примечательны описания городов средневековыми авторами, которые обращали внимание на особенности оборонительных сооружений, удобства и ширину улиц и площадей, на размеры и вид жилых домов⁴. Поэтому при рассмотрении раннесредневековой городской культуры Херсонеса следует обратить внимание на его историко-топографические особенности как специфику проявления совокупности материальных и духовных ценностей в тех материальных остатках, которые открыты в ходе археологических раскопок. Эти аспекты имеют большое значение не только для Херсонеса, провинциального византийского города, но и других городских центров Византии, поскольку единая стадия исторического развития при всех локальных особенностях не может не выражаться проявлением общих закономерностей. Историко-топографические штудии чрезвычайно сложны, поскольку наши знания о раннесредневековом византийском городе ограничены. Данное обстоятельство порождено прежде всего двумя причинами: 1) малочисленностью письменных источников и их характером⁵; 2) слабой археологической изученностью византийских городов⁶. Поэтому, прежде чем мы приступим к анализу состояния городской культуры Херсонеса, его историко-топографических особенностей в раннесредневековый период, необходимо рассмотреть все известные нам раннесредневековые